

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей / Рисунки
Е.Мешкова. //Государственное Издательство Детской Литературы,
Москва, 1962
FB2: "Miledi ", 2008-03-09, version 1.0
UUID: 73d9f931-351f-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Под домной
(Сказки и рассказы для детей)

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
Под домной**

Фабрика[1] закрывалась в рождественский сочельник. Все фабричные корпуса пустели, точно рабочих выметали метлой. Печи переставали дымить; работала одна доменная печь, которую нельзя было остановить.

– Другим праздник, а нам работа, Ванька, – говорил доменный мастер Ипатыч своему племяннику Ваньке, мальчику лет одиннадцати, который служил под домной на побегушках. – Моя старуха не любит сидеть и в праздник без дела, как другие печи.

«Старухой» Ипатыч называл свою доменную печь. Он говорил о ней, как о живом человеке, причем его заросшее бородой лицо всегда улыбалось.

Ванька, красивый черноволосый мальчик, очень любил дядю, главным образом потому, что другого такого дяди Ипатыча не могло и

быть.

Старик всегда был весел и всегда говорил шуточками и прибаутками.

Рабочие тоже любили своего доменного мастера, который и дело знал и зря никого не обижал. «Сказано – сделано» – было его любимой поговоркой.

Собственно, последние пятнадцать лет Ипатыч безвыходно провел около своей доменной печи. Домой он приходил только в субботу, чтобы отмыться в бане заводскую сажу да пообедать в воскресенье или праздник.

– Как я оставляю старуху, – объяснял он. – А, вдруг она закашляет. Тоже у ней свой характер... Зазевайся только... это ведь не «мартын», который только и знает, что дымит.

«Мартыном» заводские рабочие называли печи Мартена, в которых прямо из чугуна готовилась сталь. От этих печей получается особенно много дыма.

– Или взять Сименса, этот жрет что угодно: корье, щепу, сырые дрова, а моя старуха свой характер уважает: подавай ей все чистый уголек.

Печи Сименса, благодаря разным усовер-

шенствованию, отапливаются сырыми дровами; а для других печей дрова предварительно высушиваются в особых камерах. Ипатыч признавал только свою «старуху», а к остальным печам Относился презрительно.

– Моя старуха всех их кормит, барин, – объяснял он, – а не даст чугуна старуха, и сидите все голодом. Вот я ее и прикармливаю угольками... Любит моя старуха их, только ими и питается, как барыня сахаром.

Почему-то Ипатыч был глубоко убежден, что все «барыни» питаются одним сахаром, хотя ни одной «барыни» и в глаза не видал, а говорил понаслышке.

Ванька с семи лет тоже почти все время жил на фабрике. Сначала он приносил отцу обед и страшно всего боялся, особенно когда пускали в движение маховое колесо. Мальчику казалось, что вот-вот разлетится вдребезги вся фабрика. А как стучал обжимочный молот, под которым проковывали раскаленные добела железные крицы, как гремели прокатные станы, на которых прокатывалось сортовое железо, как визжала круглая пила, срезающая концы железных полос!..

Везде ярко горел огонь, дождь раскаленных искр сыпался из каждого горна, лязг железа, громкий крик рабочих, старавшихся перекричать грохот работавших машин, – одним словом, настоящий ад из огня и железа.

Отец Ваньки работал у прокатного стана, его лицо было точно запечено от страшного жара раскаленных добела болванок и красных полос пропускавшегося через машины железа.

Когда он в смену выходил подышать на двор свежим воздухом, вся рубаша бывала мокрая от пота.

Раз отец Ваньки вышел на воздух прохладиться, простудился и умер от горячки через две недели. Ваньке было тогда девять лет, и дядя Ипатыч взял его к себе под домну.

– В тепле будешь сидеть, по крайней мере, – объяснил он. – «Сирота растет – миру работник», – так старики говорят. Теперь ты просто Ванька, потом будешь Иваном, а ум будет – целый Иван Андроныч будешь. Одним словом, старайся.

Дядя Ипатыч выхлопотал Ваньке поденщину по десяти копеек в день.

Так Ванька и остался под домной, где скоро обжился и привык, точно у себя дома. Работа была нетрудная в дневную смену, а когда приходилось работать по ночам, Ванька спал на ходу. Правда, Ипатыч берег малыша и не томил непосильной работой, но не спать ночь было похуже всякой работы.

– Ничего, привыкнешь, – утешал его Ипатыч. – Уж мы с тобой природные мастера, – значит, только старайся. А будешь болтать, очень просто – за вихры.

И Ванька старался.

Доменная печь казалась Ваньке, как и дяде Ипатычу, чем-то живым: мальчик часто прислушивался к шуму доменных фурм, которыми нагнетался в поддувало воздух, и ему представлялось, что это дышит сама домна.

Устройство печи и ее работа были хорошо известны Ваньке еще раньше. Он видел, как на пожоге обжигают руду; потом, как мальчишки его возраста разбивают ее на мелкие куски, а потом эту измельченную руду свозят на верх доменной печи и засыпают вперемежку с углем.

Наверху работа шла без перерыва день и

ночь, как и под домной. Выпуск чугуна производился два раза в день, и перед каждым выпуском дядя Ипатыч делал пробу, то есть в особую форму отливал взятый из печи расплавленный чугун, а когда он остывал – разламывал... Если получался мягкий серый чугун, Ипатыч хвалил «старуху», а если жесткий, белый, с лучистым изломом, старик начинал ругаться.

Впрочем, он никогда не ругал самой печи, а ругался так, в пространство, чтобы сорвать сердце.

Всех рабочих под домной «обращалось», как пишут в заводских отчетах, около двадцати человек. Сами рабочие не говорят: «работать под домной», а «ходить под домной». Тут были и литухи, то есть рабочие, которые отливали чугун в постоянные изложницы и в специальные формы; и формовщики, приготовлявшие в особом помещении формы для чугунных отливов; и простые рабочие; и мальчишки, как Ванька, подметавшие сор и летавшие по разным поручениям по всей фабрике.

Работа под домной была не тяжелая, и

Ванька чувствовал себя на фабрике совсем хорошо, но нет худа без добра и добра без худа.

Было одно обстоятельство, к которому Ванька не мог привыкнуть: именно – когда являлся заводской управитель, которого рабочие прозвали «Карла».

«Карла» появлялся всегда неожиданно, точно вырастал из земли, и появлялся именно в то самое время, когда его меньше всего ожидали. Это был среднего роста белокурый человек с длинными рыжими усами и козлиной бородкой. Зимой и летом он ходил в коротенькой охотничьей курточке, заложив руки в карманы. Он служил в Полуденском заводе больше десяти лет, но рабочие как-то не могли к нему привыкнуть.

Главным недостатком «Карлы» была дикая вспыльчивость, в порыве которой он даже начинал прыгать, как индейский петух, и ругаться на трех языках. Впрочем, он был отходчив, то есть скоро успокаивался и делался другим человеком. Дядя Ипатыч уважал «Карлу», потому что по всякому фабричному делу «он собаку съел», особенно по доменному производству.

– Точно носом чует, – удивлялся Ипатыч, – ты еще не подумал, а он уж учуял.

Что «Карла» был строг и ругался, это еще ничего; но рабочие не любили его главным образом за то, что он всегда держал свое слово: скажет, как топором отрубит. Его нельзя было ни упросить, ни умолить.

– Мой сказал – конец, – отвечал «Карла» на все вопросы.

Особенно не любил «Карла» прогульных и послепраздничных дней, когда рабочие не выходили на работу.

– Ты кушаешь каждый день, я кушаю каждый день, – коротко объяснял он, посасывая коротенькую трубочку. – Ты должен работать каждый день, я должен работать каждый день, всякая скотина должна работать каждый день, если она хочет кушать... Ты будешь пьян, я будешь пьян, весь завод будешь пьян... Завод знает свою работу, – ему не нужен твой праздник...

Дядя Ипатыч по праздникам, когда уходил домой обедать, возвращался под домну слегка навеселе, и «Карла» грозил ему пальцем, приговаривая:

– О, я тебе дам праздник на голова. Ти мне козла садил будешь.

Впрочем, доменного мастера «Карла» любил и часто делал вид, что не замечает его нетвердой походки, красных глаз и заговаривающегося языка.

– Уж лучше бы обругался, – бормотал дядя Ипатыч, когда управитель уходил. – Душеньку выматывает, проклятый немчура...

«Карла» был совсем не немец, а чистокровный француз, и звали его не Карлом, а Густавом. А свою кличку он получил по наследству: в соседнем Кловском заводе служил когда-то управитель, немец Карл Мейер.

Ванька и боялся немца «Карла» и еще больше ненавидел его. Немец казался ему таким злым. Недаром все рабочие боялись его, как огня. На его глазах «Карла» отказал Пимке Мятлеву, работавшему у обжимочного молота подмастерьем, прогнал из-под домны литуха Спирьку, трех слесарей, – вообще, сколько народу из-за «Карлы» осталось без работы! Кроме фабрики, какая у них работа?.. Раньше-то все как хорошо жили, а как прогнал их «Карла», так все и захудали. Уволенные рабо-

чие под пьяную руку грозились даже убить проклятого «Карлу», и Ванька понимал их. Он сам иногда думал, что хорошо было бы запустить в «Карлу» хорошим камнем.

«У, немец проклятый...» – думал про себя Ванька.

Когда «Карла» ходил по фабрике, Ванька всячески старался не попадаться ему на глаза; а когда он приходил под домну, Ванька прятался куда-нибудь подальше. А вдруг «Карла» возьмет и откажет ему от работы? Дядя Ипатыч заметил, что Ванька боится управителя, и любил пошутить над ним.

– Ужо он тебе задаст, Ванька... Он и под домну к нам ходит из-за тебя. «А что Ванька делает? А как Ванька работу исполняет?» Тот! И на тебя нашлась управа.

Ванька больше всего любил свою домну зимой. Все кругом занесено саженым снегом. Зимние дни короткие. Ветер, холод, снег. А под домной всегда и тепло, и светло, и уютно – лучше, чем у себя дома, в избе. Везде горят огни, везде кипит работа, и все такие веселые. В холод работается легче.

* * *

Раз зимой Ванька устроился спать на деревянной лавочке, недалеко от гудевших фурм. Было тепло, ему страшно хотелось спать. Дядя Ипатыч сердился целый день, потому что «старуха» что-то не ладилась. Старик много раз подходил к фурмам и долго прислушивался к их гуденью, как пасечник прислушивается к гуденью пчел в улье.

– Не тово... – бормотал он, встряхивая головой. – Старушонка сердится.

Проба вышла плохая – белый чугунок.

Ночной выпуск чугуна производится ровно в двенадцать часов. Ипатыч хватился Ваньки.

– Эй ты, лежебок, вставай! – будил дядя Ипатыч спавшего легким сном Ваньку.

Детский сон крепкий, и Ванька спросонья долго не мог проснуться, пока Ипатыч не сунул ему в руки пук лучины.

– Иди, свети... Сейчас пускаем чугунок.

Это было знакомое дело, и Ванька машинально отправился к «глазу», как называли рабочие отверстие в домне, из которого выпускался чугунок. Этот «глаз» после выпуска чугуна заделывался кирпичами и глиной, и

только по сочившемуся из него шлаку можно было определить его. Ванька обыкновенно за-
жигал лучину, сунув ее в доменный «глаз».

Так он сделал и сейчас. Пук лучины вспыхнул ярким огнем и осветил весь доменный корпус. Литухи притащили большой железный лом и принялись им долбить доменный «глаз».

После нескольких ударов показалась красная струйка расплавленного чугуна и поплыла в приготовленные формы, рассыпая кругом яркие искры.

Для обыкновенной чугунной болванки приготовлены были постоянные формы, тоже из чугуна, где расплавленный чугун и застывал.

Получалось что-то вроде чугунных поленьев. Для мелких отливок расплавленный чугун уносили в особых железных котлах в формовочную.

– Ничего, – проговорил дядя Ипатыч, когда все формы наполнились жидким чугуном, шипевшим и рассыпавшим искры. – Старуха напрасно посердилась.

Ванька погасил свою лучину и дремал,

прислонившись к теплой стене домны. Он сотни раз видел картину выпуска чугуна и не мог уже любоваться великолепной картиной.

Дядя Ипатыч при каждом выпуске впадал в какое-то ожесточенное настроение и кричал на рабочих без всякого толка. Все к этому привыкли и не обращали на него внимания, а меньше всех, конечно, Ванька.

Но вдруг все стихло. Ванька открыл глаза и онемел: перед ним стоял сам «Карла» и, грозя пальцем, говорил:

– Ти спишь... а? Ти падешь в чугунок... а? Ти сваришься, как маленькая рыбка... а?

Вместо ответа Ванька стрелой бросился к выходу и исчез в дверях, как испуганная летучая мышь. «Карла» обернулся к Ипатычу и спросил:

– Что с ним?

– А значит, мал... дурашлив... испугался, значит...

Ванька, выскочив на мороз, сразу очнулся и, как белка, взобрался по лестнице на самый верх домны.

– Эк тебя носит, востроногого! – удивились рабочие.

Ваньке сделалось совестно за собственное малодушие, и он не сказал, что «Карла» под его домной. Он погрелся около огня и прилег на лавочку. В тепле его опять начал одолевать мертвый сон. Но ему не удалось заснуть и на этот раз, потому что слышались быстрые шаги и вошел «Карла» в сопровождении дяди Ипатыча.

– А, ты здесь?.. – проговорил «Карла», когда Ванька соскочил со своей лавочки. – Ты меня боишься? Хорошо, я тебе задам... О, я самый сердитый человек!

«Карла» присел на лавочку и заставил Ваньку сесть рядом с собой.

– Так боишься меня? – спрашивал он, выколачивая трубочку о каблук сапога.

– Боюсь... – по-детски произнес Ванька.

Это признание заставило «Карлу» улыбнуться. Набивая свою трубочку, он спросил уже другим тоном:

– У тебя есть мать?

– Как же, есть... – ответил за Ваньку дядя Ипатыч. – Значит, родная сестра мне приходится.

«Карла» смотрел на перебегавшие в пепле

доменной печи синие огоньки и точно думал вслух:

– У меня тоже есть мать... там... далеко... Она постоянно думает обо мне и ждет, когда я вернусь... да. Когда я уезжал в Россию, она так горько плакала... Да, мать... Она говорила мне быть честным, справедливым, добрым.

Он говорил ломаным русским языком, но все его отлично понимали.

– Да, там далеко прекрасная страна... – продолжал «Карла». – Там умеют работать... Все работают... Мой отец был таким же доменным мастером, как Ипатыч. Я с детства вырос под домной, как Ванька... И так же хотел постоянно спать, как Ванька... Наша семья была большая, и отцу было очень трудно. Все должны были работать... О, там все много работают, постоянно работают...

Оглядев рабочих, «Карла» спросил:

– Кто у вас грамотный?

Ни одного грамотного не оказалось, и «Карла» покачал головой. Бедная, несчастная страна, где простая грамотность составляет недоступную роскошь.

– А слышал кто-нибудь о Франции? – спро-

сил «Карла».

Все только переглянулись, но выручил Ипатыч:

– Француз приходил в двенадцатом году в Россию...

«Карла» только улыбнулся и, погладив Ваньку по голове, спросил:

– Сколько тебе лет?

– А одиннадцать...

По лицу «Карлы» точно пробежала тень. Да, его сыну тоже было бы одиннадцать лет... Бедный маленький французик не мог перенести жестокого русского климата, переболел всеми болезнями и похоронен под русским снегом.

– Да, и ему было бы одиннадцать лет, моему маленькому Адольфу... – думал он вслух.

Ванька с удивлением видел, как немец заморгал глазами.

– У нас тоже ребята мрут, страсть... – заметил дядя Ипатыч, слышавший, что у жены «Карла» был ребенок и помер на третьем году, и понял, что «Карла» говорит именно про него.

Ванька смотрел на «Карлу» и думал:

«А ведь он наш, рабочий человек, и он добрый... Да, совсем добрый»...

Примечания

На Урале заводом называется все селение, а завод в собственном смысле – фабрикой. (Примеч. автора.).

[^^^]